

уничженіемъ и крестомъ осужденнаго была дана свобода и прощеніе виновнику во грѣхѣхъ—человѣку грѣшнику. Человѣчество было искуплено. Для него опять становится возможнымъ общеніе съ Богомъ и открывается доступъ къ благодати Его. Чествуемый нашею церковію Крестъ—символъ конца царства грѣха и смерти и начала спасенія. За Крестомъ послѣдовало воскресеніе, за торжествомъ царя грѣха—убійцы голгофскаго Страдалца—его связаніе,—обновленіе жизни всего подпавшаго ему человѣчества. Для своихъ послѣдователей Христосъ устанавливаетъ сверхъестественное средство, именно—таинство крещенія, въ которомъ человѣкъ и спогребается Христу, соумираетъ съ Нимъ, покаяваясь, какъ Онъ покончилъ съ общечеловѣческимъ грѣхомъ, съ грѣхомъ собственнымъ. Человѣкъ усваиваетъ здѣсь себѣ плоды Голгофскихъ страданій.

(Продолженіе будетъ).

*Изъ путешествія на Аѳонъ *).*

(Воспоминанія Н. Н. Страхова).

Въ моей жизни было рѣдкое и прекрасное событіе: я видѣлъ Аѳонъ. Впечатлѣнія, которыя оставила во мнѣ Святая Гора, составляли съ тѣхъ поръ (т.-е. съ 1881 года) великую мою драгоцѣнность и живо возникали во мнѣ всякій разъ, когда мнѣ приходилось читать чужіе рассказы объ Аѳонѣ. Нигдѣ, однакоже, не приходилось мнѣ найти повторенія тѣхъ впечатлѣній, которыя я испыталъ и которыя очень хотѣлъ-бы встрѣтить въ полномъ и ясномъ выраженіи.

Святая Гора—небольшой полуостровъ Эгейскаго моря, населенный монахами. Тамъ сохранилась до нашихъ дней и продолжаетъ неприкосновенно процвѣтать особая жизнь, начавшаяся съ первыхъ вѣковъ христіанства и, уже почти ты-

*) Русск. писатели о Св. мѣстахъ. Изд. Сытина. М. 1899 г. стр. 18—35.

сячу лѣтъ назадъ, вполне сложившаяся въ свои формы. Эти монахи показали, какъ бы въ видѣ огромнаго историческаго примѣра, истинное свойство монашества, то-есть, что они дѣйствительно отрeksiеся отъ міра богомольцы, чуждые всякихъ земныхъ дѣлъ. Такъ ихъ и поняли иновѣрные турки и оставили ихъ въ покоѣ, такъ что люди, отказавшіеся отъ всѣхъ земныхъ благъ, сохранили въ теченіи многихъ бѣдственныхъ вѣковъ лучшее благо—независимость и самобытный складъ жизни. Но дѣль ихъ была разъ навсегда назначена, и средства для нея отъ начала были отпредѣлены; поэтому имъ не нужно было никакихъ перемѣнъ, и у нихъ не было исторіи. По свидѣтельству ученыхъ изслѣдователей, Аѳонъ есть дѣйствительно живой остатокъ глубокой старины, и въ этомъ отношеніи мѣсто единственное въ своемъ родѣ, подобнаго которому нѣтъ ни въ одной странѣ обитаемаго міра.

Вспомнимъ при этомъ, какой духъ тамъ живетъ,—духъ нашего православнаго благочестія. Тамъ—одно изъ чистѣйшихъ воплощеній того животворнаго начала, которое составляетъ истинную душу русскаго народа. Аѳонъ есть поприще и училище святости, а святой человѣкъ есть высшій идеаль русскихъ людей.

Вообще для русскаго поѣздки на Аѳонъ оказывается дѣломъ самымъ простымъ и легкимъ. Не нужно ни малѣйшихъ хлопотъ и усилій. Въ Константинополѣ монахи возьмутъ васъ съ парохода, помѣстятъ въ своемъ подворьѣ, будутъ васъ кормить и поить, и когда придетъ время, посадятъ на пароходъ, отправляющійся къ Святой Горѣ. Поразительно то обстоятельство, что только русскій монастырь устроилъ совершенно правильное и удобное сообщеніе съ Аѳономъ. Французскій пароходъ, дѣлающій правильные рейсы по Мраморному и Бѣлому морямъ, обязанъ зайти по условію одинъ разъ въ двѣ недѣли въ русскій монастырь св. Пантелеимона; тутъ онъ оставляетъ тѣхъ, кто сѣлъ въ Константинополѣ, и беретъ тѣхъ, кто туда возвращается. Нашъ монастырь, поэтому, сталъ точкой сообщенія съ остальнымъ міромъ всей Аѳонской горы;

онъ разъ въ двѣ недѣли принимаетъ подъ свой кровъ путниковъ всякихъ другихъ монастырей, хотя изъ нихъ многіе превосходятъ его древностію и богатствомъ. Дѣло въ томъ, что обильный и непрерывный потокъ богомольцевъ въ настоящее время идетъ только изъ Россіи; путники, идущіе изъ другихъ странъ, становятся все рѣже и рѣже. Говорятъ, что греки усердно посѣщали Аѳонъ и дѣлали богатыя приношенія, пока были подъ властію турокъ, но со времени освобожденія все это почти прекратилось. Греки очень рѣдко стали поступать и въ монахи, такъ что ихъ монастыри состоятъ теперь изъ глубокихъ старцевъ и понемногу пустѣютъ. У насъ наоборотъ: число монашествующихъ растетъ съ каждымъ годомъ. Всего замѣчательнѣе то, что это процвѣтаніе есть дѣло недавнее. Въ это время, незримо для насъ, благочестивые люди одинъ за другимъ уходили на-всегда за дальшія моря и составили тамъ нынѣшнее многолюдное и цвѣтущее общечитіе.

Можетъ-быть, это—простое слѣдствіе оживленія всякихъ передвиженій и сношеній, а можетъ-быть, тутъ есть и молчаливый протестъ противъ нашего просвѣщенія.

Вечеромъ 30-го августа мы обогнули мысъ, на которомъ стоитъ высокій конусъ, называемый собственно горою Аѳономъ, и осторожно стали подвигаться вдоль западнаго берега полуострова. Наступила тихая и темная звѣздная ночь, и я съ сокрушеніемъ смотрѣлъ на гористый берегъ, смутно темнѣвшій передъ нами. Какую бы красоту мы увидѣли, если бы это было при свѣтѣ солнца! Въ часу одиннадцатомъ вечера, наконецъ, медленно движущійся пароходъ остановился въ темнотѣ противъ русскаго монастыря. Большая неправильная груда зданій, гдѣ не свѣтилось ни одного огонька, не ясно бѣлѣла на берегу. Съ парохода дали сигналъ—небольшой пушечный выстрѣлъ; все молчало и было темно по прежнему. Подождали, сдѣлали другой выстрѣлъ и опять стали ждать. Бѣда была въ томъ, что всѣ монахи спали,—они вѣдь ежедневно встаютъ отъ сна въ первомъ часу ночи. Наконецъ, на берегу показались люди съ огнями, и лодки стали подходить къ пароходу. Слу-

чилось такъ, что они сперва пристали къ сходу изъ третьяго класса. Мы должны были ждать, пока будетъ перевезена на пристань большая толпа богомольцевъ изъ простолюди. Хлопотъ было много и монахи усердно работали, принимая путниковъ и ихъ вещи. Я праздно стоялъ, вглядываясь въ эту оживленную картину. И тутъ меня поразило впечатлѣніе, которое потомъ уже не покидало во все время, проведенное на Святой горѣ. Послышались быстрыя, торопливыя восклицанія монаховъ: „Сюда! Держитесь! Подвиньтесь! Посвѣти, братъ Василій! Отецъ Памва, еще немножко!“ и т. д. Но, несмотря на всю живость и поспѣшность этихъ рѣчей, въ нихъ было что-то особенное. Онѣ не только не подымались до крика, не только въ нихъ не звучало и тѣни раздраженія, или досады, но не было даже и простой небрежности, или отрыванія; торопящіеся голоса были неизмѣнно ласковы, чисты и свободны. Эти монахи, которыхъ мы вдругъ разбудили, оказались на этой пробѣ истинными монахами. И тоже самое вы замѣтите всегда и на всемъ Аѳонѣ, и въ монастыряхъ, и въ Кареѣ, и на дорогахъ въ лѣсу, и на лодкахъ у береговъ. Вездѣ, въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ господствуетъ совершенно безстрастіе и спокойствіе, которое при каждомъ удобномъ случаѣ переходитъ только въ радушіе и ласку. „Благословите!“ „Богъ васъ благословитъ“. „Будьте благословенны!“—такими привѣтствіями обмѣниваются на Аѳонѣ пѣшеходы и всадники, встрѣчающіеся на дорогѣ. Въ продолженіи двухъ недѣль я не слышалъ ни единого крика, ни единого сердитаго слова; эта удивительная тишина—прямое отраженіе и выраженіе душевнаго мира, поразила меня въ первый день, а потомъ плѣняла все больше и больше. Такъ живетъ весь полуостровъ, все его десяти тысячное населеніе. На первый-же день моего житія на Аѳонѣ меня поразила одна красота, общая всему Аѳону, обнимающая его со всѣхъ сторонъ,—море. Море видно было изъ оконъ той келліи, въ которой меня поселили, море свѣтилось въ огромныя окна новаго большаго храма, гдѣ дали мнѣ мѣсто для стоянія на службахъ. Море есть великая красота, половина всѣхъ красотъ земли, и кто полюбилъ море, тому ничто замѣнить его

не можетъ. Безбрежная масса прозрачной, какъ кристаллъ, воды то тиха и весело волнуется, то грозна и неистово мечется; но при всякомъ своемъ движеніи и при всѣхъ переменѣнахъ дневного и ночного освѣщенія, она, въ силу своей чистоты, принимаетъ краски и оттѣнки удивительной нѣжности и силы. Уже отъ этого видъ моря есть истинная ласка для глазъ. Но я насладился и другими, особенными красотами Аѳона. Для черезъ два послѣ пріѣзда монахи сами предложили мнѣ то, чего мнѣ чрезвычайно хотѣлось,—сдѣлать поѣздку по Святой Горѣ. Такія поѣздки составляютъ здѣсь, очевидно, обыкновенное, привычное дѣло, и вотъ я въ теченіи моего пребыванія дважды покидалъ нашъ монастырь и странствовалъ по другимъ монастырямъ, а главное проводилъ цѣлые дни на дорогахъ и тропинкахъ, окруженный всею роскошью и прелестью Аѳонскихъ видовъ. Скажу прямо, что нигдѣ и никакое путешествіе не давало мнѣ столько живаго наслажденія, какъ эти поѣздки; никогда очи мои не были удовлетворены такою обильною и сладкою пищею. Многое тутъ зависѣло отъ самаго способа передвиженія. На Аѳонѣ почти вовсе нѣтъ колесныхъ дорогъ; вся ѣзда совершается верхомъ на мулахъ, животныхъ, которыя такъ драгоцѣнны для всякихъ гористыхъ и бездорожныхъ мѣстъ. И, слѣдовательно, всякая поѣздка здѣсь совершается шагомъ, такъ что на часъ пути полагается не больше пяти верстъ. Ничего не можетъ быть лучше для того, кто желаетъ смотрѣть и видѣть. 3-го сентября, послѣ обѣдни, я и отецъ Григорій, котораго мнѣ дали въ проводники, сѣли на муловъ; погонщикъ—грекъ, служащій по найму въ монастырѣ, взялъ поводья моего мула и пошелъ впередъ; мы выѣхали за монастырь и пустились по ложбинѣ, которая шла въ гору и куда еще не заходили лучи солнца. На протяженіи нѣсколькихъ верстъ я совершенно освоился со своимъ положеніемъ и оцѣнилъ всѣ его удивительныя удобства. Я сидѣлъ на мулѣ такъ-же спокойно, какъ на креслѣ, неподобное животное скоро заслужило мое полнѣйшее довѣріе. Управлять имъ нѣтъ надобности, опасаться за него было-бы непростительною мнительностью; какъ бы ни былъ крутъ подъемъ или спускъ, какими бы камнями, или

рытвинами ни была усьяна тропинка, мулъ подыметъ и спустится всегда ровнымъ шагомъ, и никогда нога его не оборвется, никогда не ступитъ на ненадежное мѣсто. Не только я могъ спокойно любоваться видами и разговаривать съ проводникомъ, но я раскрывалъ зонтикъ когда приходилось ѣхать по горячему солнцу.

Эти долгіе часы неизгладимо остались въ моей памяти. Какая красота! Теперь все у меня уже перемѣшалось, и я не могъ-бы ничего рассказать по порядку; но живо встаетъ передо мною вся эта роскошная и свѣтлая пустыня. Весь полуостровъ, тянущійся на восемьдесятъ верстъ, похожъ на запущенный садъ, густо заросшій, гдѣ только было можно. Южныя деревья съ ихъ живописною, темною зеленью, каштаны, дубы, платаны образуютъ по мѣстамъ высокіе вѣковые лѣса. Но вся мѣстность гористая, безпрестанно открываются поляны, холмы, скалы; морской берегъ то пологій, то обрывистый, вдругъ становится виденъ съ высоты, потомъ пропадаетъ и снова является, но уже съ другой стороны, а иногда, когда вы ѣдете по самому гребню, море разстилается передъ вами съ обѣихъ сторонъ. Никогда не забыть мнѣ утра, когда мы выѣхали изъ Симоно-Петри послѣ ночлега. Тропинка идетъ на огромной высотѣ надъ отвѣсными скалами, и было видно и слышно, какъ море плещетъ въ каменный берегъ. Боже мой, какой просторъ и свѣтъ, какая прозрачность и чистота всѣхъ очертаній, какой океанъ сіяющей красоты! Не даромъ же эту прекрасную пустыню съ древнѣйшихъ временъ выбрали для себя монахи. Извѣстно, что монахи вообще высоко цѣнятъ красоту природы. Вспомните мѣстоположеніе какогонибудь изъ монастырей у насъ на родинѣ; если взглянуть, то нельзя будетъ не согласиться, что мѣсто всегда выбрано съ самымъ тонкимъ и вѣрнымъ вкусомъ. Итакъ, радость очей, наслажденіе зрѣлищемъ природы находятся, очевидно, въ полной гармоніи съ самымъ чистымъ благочестіемъ, даже съ высшими духовными подвигами. Меня поразилъ въ этомъ отношеніи одинъ рассказъ инока Парсенія. Когда онъ пришелъ на Аеонъ, то сталъ усердно спрашивать, кто тамъ больше всѣхъ

славится святостью жизни; ему сказали почти въ одинъ голосъ, что всѣхъ превосходить келіотъ Арсеній. Тогда Пареній пустился отыскивать его келью, добрался до нея и былъ имъ принять подъ руководство. Но вотъ, что онъ говоритъ о самой кельи: „Келлія стоитъ на горѣ, на возвышеніи, на открытомъ мѣстѣ, откуда видно почти всю восточную страну Св. Горы: на югъ—до самаго Аэона и весь Аэонъ, на сѣверъ—до монастыря Пантократора и до скита Богородицы; къ востоку, къ морю, подъ горой—монастырь Иверъ весь на открытіи; къ востоку же—и открытое великое море Архипелагъ, до самаго Дарданелльскаго пролива. Посреди моря синѣются четыре острова: Тась, Самоѳракъ, Имбро и Лемнось; къ сѣверо-востоку синѣются горы Македонскія; съ прочихъ-же сторонъ келлія окружена лѣсами и холмами. Недалеко отъ келліи истекаетъ источникъ холодной и здоровой воды. Хотя келлія стоитъ яко свѣтильникъ на свѣщницѣ, на самой красотѣ, но въ самой почти непроходимой пустынѣ, такъ что ни съ которой страны къ ней подойти нельзя: ибо окружена горами и непроходимыми лѣсами. Хотя къ ней и есть тропинки, одна изъ-подъ горы, а другая съ горы, но и тѣ очень малы, такъ что съ трудомъ можно познать“.

Вотъ одинъ изъ аэонскихъ видовъ. Святой отшельникъ выбралъ для своихъ молитвъ глухое и пустынное мѣсто, но такое, съ котораго открывалась эта чудеснѣйшая панорама. Тутъ ему была готова постоянная радость; тутъ глаза его могли каждую минуту наслаждаться красотой Божьяго міра.

Въ этомъ отношеніи мѣстоположеніе нѣкоторыхъ аэонскихъ монастырей—поразительно. Вообще, всѣ эти монастыри построены тѣсно; вокругъ главнаго храма, посреди двора возвышаются со всѣхъ сторонъ корпуса келлій. Эти корпуса составляютъ вмѣстѣ и самую ограду монастыря; они бываютъ во много этажей,—до шести, семи, и поднимаются часто выше главъ срединаго храма; такимъ образомъ, изъ наружныхъ оконъ верхнихъ этажей открываются безподобные виды. Два монастыря: Діонисіатъ и Симоно-Петръ дошли въ этомъ исканіи свѣта и простора до послѣдней степени возможности.

Они построены на большой высотѣ почти отвѣснаго каменнаго берега, притомъ такъ, что стѣны келій, стоя на самомъ краю, сливаются съ обрывомъ берега. Симоно-Петръ, въ довершеніе всего, занимаетъ особо цѣлый круглый выступъ, который отдѣленъ отъ остальнаго берега порядочною рывиною; монастырь стоитъ какъ будто на отдѣльномъ пикѣ и составляетъ продолженіе этого пика кверху. Теперь вообразите поднимающіеся одинъ надъ другимъ этажи, — у Діонисіата пять, у Симоно-Петра, кажется, до восьми; снаружи вдоль каждаго этажа идутъ деревянныя балконы, и вы можете спокойно по нимъ прогуливаться. Какой видъ! Море блеститъ и синѣтъ прямо подъ вами, а кругомъ необъятный просторъ, разубранный дальними островами и горами, и какъ рамка — лѣса и холмы, скалы и заливы аѳонскаго полуострова. Мало того, по нѣкоторой изысканности въ этомъ наслажденіи чудные балконы обладаютъ особенностью, которой нельзя не замѣтить: между прекрасными и твердо укрѣпленными дубовыми досками половъ вездѣ оставлены щели, правильныя промежутки, такъ что лазурный свѣтъ моря и его сверканіе, кажется вамъ, рвутся изъ-подъ самыхъ вашихъ ногъ...

Свѣтлою, радостною красотою осталась въ моей памяти Святая Гора. Но и обитатели ея, какъ ни мало я успѣлъ съ ними познакомиться, оставили во мнѣ впечатлѣніе людей свѣтлыхъ и радостныхъ. Противъ монашеской жизни, какъ извѣстно, существуютъ упорныя и глубокія предубѣжденія. Мірскіе люди нынче построили всю свою жизнь на такихъ началахъ, что потеряли возможность даже понять, что дѣлаютъ монахи. Между тѣмъ, сами монахи считаютъ грѣхомъ, если подвергаются чувству унынія и тоски, и они стараются прогнать отъ себя такія чувства. А главное, они считаютъ свою жизнь по самому ея существу блаженною жизнью, исполненною лучшихъ радостей, доступныхъ человѣку на землѣ. Возьмите письма Святоторца, а еще лучше странствіе инока Пароенія, и вы убѣдитесь несомнѣнно, неопровержимо, что жизнь истиннаго монаха исполнена высокихъ радостей, что монахи сердечно любятъ всю свою

обстановку, всё свои упражненія и дѣйствительно считаютъ себя несравненно благополучнѣе всякихъ мірскихъ людей. Неправильное мнѣніе о жизни монаховъ, мнѣ кажется, происходитъ отъ двухъ причинъ: отъ ложнаго понятія объ ихъ трудахъ. Кто былъ на Аѳонѣ, кто испыталъ ласковое радушіе аѳонскихъ старцевъ, ихъ неистощимую доброту, тотъ никогда не приметъ ихъ за людей, удрученныхъ тоскою или скукою. Другого я, впрочемъ, и не ждалъ; я зналъ и прежде, что чистая веселость есть обыкновенная черта отшельниковъ. Уже о первомъ изъ монаховъ, объ Антоніи Великомъ, Аѳанасій пишетъ, что хотя онъ былъ невзраченъ, но лицо его сіяло такою необычайною пріятностью, такъ было „весело отъ душевной радости“, что по этому одному всякій узнавалъ Антонія, какое бы множество монаховъ ни было кругомъ. Итакъ, ясныя лица многихъ монаховъ и ихъ веселые разговоры не удивляли меня; но все же были случаи, особенно замѣтные. Когда въ праздникъ 8-го сентября игуменъ пригласилъ всѣхъ на чай въ большой архонтарикъ, мнѣ случилось остановиться возлѣ группы греческихъ монаховъ. Одинъ изъ нихъ, сѣдой восьмидесятилѣтній старикъ, высокаго роста, неожиданно сталъ обнимать меня, ласково глядя мнѣ въ лицо и трепля рукою по спинѣ, и все время довольно громко смѣялся отъ всей души. Этотъ простодушный привѣтъ былъ мнѣ чрезвычайно пріятенъ; потомъ мнѣ сказали, что старецъ, которому я, вѣроятно, чѣмъ-нибудь понравился, былъ въ большомъ уваженіи у всей нашей обители. Другой монахъ, удивившій меня своимъ постояннымъ смѣхомъ, былъ тоже грекъ игуменъ, если не ошибаюсь, Діонисіата. Мы остановились у него въ монастырѣ, и пока насъ угощали по его распоряженію, онъ пустился разспрашивать меня про Россію и политическія дѣла и отъ начала до конца весело улыбался, перебирая свои четки. Между нашими монахами большая часть были видимо добродушны, но особенно былъ ясенъ лицомъ и радостенъ въ разговорахъ отецъ А., съ которымъ я, можно сказать, подружился. Онъ заходилъ не разъ ко мнѣ въ келью и иногда посылалъ при этомъ случаѣ попросить вина у отца гостинника; такъ мы бесѣдовали, — я пилъ кофе съ турецкою

гущею, а онъ—красное вино. Все это пишу для того, чтобы показать, что самые почтенные и високо стоящіе изъ монаховъ чужды всякой чопорности и что въ ихъ положеніи они вовсе не чувствуютъ какого-то мрака и удрученія, или какой-нибудь связанности; эта жизнь, повидимому, такая искусственная, стала для нихъ совершенно естественною и нисколько не стѣсняетъ ихъ души. Добросердечнѣйшій отецъ А. былъ на счету самыхъ строгихъ и образцовыхъ монаховъ.

Свободнаго времени у нихъ почти нѣтъ. Для своего главнаго дѣла, для молитвы, они должны присутствовать на всѣхъ церковныхъ службахъ, а службы эти, вмѣстѣ взятыя, занимаютъ двѣнадцать, пятнадцать, иногда двадцать часовъ въ сутки. Служащіе, причащающіеся (а всѣ причащаются разъ, или два въ недѣлю), читаютъ сверхъ того еще особыя молитвы. Вслѣдствіе этого, обыкновенно монахи не имѣютъ семи или восьми часовъ подъ рядъ свободныхъ, чтобы выспаться, и потому спятъ мало, или высыпактся въ два, или три пріема. И такъ идетъ дѣло круглый годъ, изо дня въ день. Праздники отличаются только тѣмъ, что службы бываютъ торжественнѣе и продолжительнѣе и что всенощное бдѣніе, начинающееся въ будни въ первомъ часу ночи, начинается подъ праздникъ съ семи часовъ вечера, кончается, какъ и всегда, къ пяти часамъ утра.

Вотъ главное занятіе монаховъ, вотъ ихъ постоянные и непрерывные труды. Ни одна сторона аѳонской монашеской жизни не приводитъ мірскихъ людей въ такое изумленіе, какъ эта.

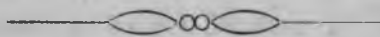
Въ монастырѣ мнѣ была предоставлена, разумѣется, полная свобода занятій и провЖДенія времени, и сначала я придерживался того порядка, въ которомъ привыкъ проводить свой день. Но съ перваго-же дня я, конечно, сталъ посѣщать церковныя службы, хотя и не всѣ, хотя часто приходилъ не къ началу и уходилъ далеко раньше конца. Скоро, однако, равномерно бьющійся пульсъ монастырской жизни сталъ мнѣ ясно замѣтенъ и сталъ увлекать меня за собой. Сидя въ своей кельѣ, я чувствовалъ, когда монастырь спалъ среди дня и когда онъ

просыпался и шелъ въ свои церкви. Кругомъ наступала полная тишина и безлюдье, и слабо доносилось съ разныхъ сторонъ церковное пѣніе. Когда, такимъ образомъ, совершенно ясно чувствовалось, что всѣ тамъ, всѣ стоятъ по своимъ формамъ, или священнодѣйствуютъ, невозможно было оставаться одному въ своей кельѣ. Я шелъ туда, гдѣ были всѣ, и становился въ форму. И много-много отрадныхъ часовъ провелъ я въ этой формѣ. Особенно любилъ я всенощныя съ тѣми перемѣнами въ освѣщеніи, въ пѣніи, и чтеніи, которыя на Аѳонѣ производятся съ такою выразительностью и красотою. Сперва служеніе долго идетъ равномерно; но потомъ освѣщеніе усиливается отъ незамѣтно зажигаемыхъ свѣчей, и два хора начинаютъ попеременно пѣть торжественныя молитвы. Выносятся свѣчи на средину церкви, выходятъ изъ алтаря іереи въ ризахъ и тоже хоромъ начинаютъ пѣть. Вся церковь полна свѣтомъ и звучитъ пѣніемъ; иногда зажигается и громадное среднее паникадило. Но понемногу торжество стихаетъ; пѣвчіе замолкаютъ, іереи уходятъ въ алтарь, свѣчи и паникадило незамѣтно гаснуть, и церковь постепенно погружается во мракъ и молчаніе. Только посредиѣ, въ темнотѣ, монахъ съ тоненькою восковою свѣчою въ рукѣ читаетъ вслухъ книгу, пригибая свѣчу къ самой страницѣ. Проходитъ полчаса, часъ, чтеніе кончено, снова начинается моленіе, начинаютъ отликатъ хоры, загораться свѣчи и лампы, и славословіе растетъ все громче и громче, и свѣта все больше и больше. Великое изыщество соблюдено въ церковныхъ службахъ, и я коснулся здѣсь только самыхъ простыхъ и внѣшнихъ его сторонъ.

Такъ живутъ аѳонскіе монахи. Они живутъ въ церкви, на молитвѣ, потому что остальное ихъ время и другія дѣла совершенно незначительны въ сравненіи съ этимъ дѣломъ. Можно сказать, что, если они достигаютъ возможности истинно молиться, истинно благоговѣть предъ священнодѣйствіями, то они живутъ блаженною жизнью. Такъ мы воображаемъ ангеловъ, такъ мы представляемъ себѣ, что сонмы ихъ постоянно предстоятъ предъ Богомъ и не сводятъ своихъ взоровъ съ лица Божія. Для меня нѣтъ никакого сомнѣнія, что если есть мо-

нахи, съ борьбой и трудомъ подымающіеся на высоту этой жизни, то есть не мало другихъ, въ которыхъ это уподобленіе ангеламъ вполне осуществляется, и тогда, что можетъ быть блаженіе?

Эти непрерывныя молитвы неразлучно связались въ моей памяти съ мыслью объ Аѳонѣ. Когда я вспомню о своей поездкѣ и о любезныхъ моихъ монахахъ, я не могу ихъ себѣ представить иначе, какъ въ церкви, за молитвой. Тамъ, за дальними морями, на свѣтломъ югѣ, въ цвѣтущей своей пустынѣ, они стоятъ въ большихъ и малыхъ храмахъ, съ лицами и сердцами, обращенными къ Богу. Когда бы я ни вспомнилъ о нихъ, утромъ, или вечеромъ, или ночью, я знаю, что они дѣлаютъ. И вотъ уже тысяча лѣтъ, какъ восемь или десять тысячъ этихъ монаховъ совершаютъ эти непрерывныя молитвы, которыхъ я былъ очевидцемъ. При такихъ воспоминаніяхъ, при картинѣ, возникающей въ моемъ воображеніи, умиленіе неотразимо проникаетъ въ душу, и пробуждается то чувство, которое такъ ярко горитъ на Аѳонѣ,—жажда молитвы.

ИЗЪ ИНОЕПАРХІАЛЬНЫХЪ СООБЩЕНІЙ.

I. Поразительный случай изъ современной пастырской практики—разсказанъ въ Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.

Въ городѣ Ж. болѣе двадцати лѣтъ проживалъ уважаемый всею округою, пользовавшійся всеобщимъ довѣріемъ за свое добросовѣстное отношеніе къ дѣлу, занимавшій видный и отвѣтственный постъ. П. И. К.

Нѣкоторые изъ знавшихъ его и имѣвшихъ въ немъ надобность по разнымъ дѣловымъ операціямъ были увѣрены, что онъ лютеранинъ: въ церкви его никогда не видали; въ канцеляріи у него весьма часто можно было встрѣтить являвшихся по дѣлу нѣмцевъ-колонистовъ, съ которыми онъ свободно говорилъ на ихъ родномъ языкѣ.